

Чжао Фан пил плохо – хмелел мгновенно, а протрезвев, не мог вспомнить ни своих слов, ни поступков.

Среди ночи в горле у него будто пожар разгорелся. — Воды... воды...

Сон Гунсунь Сы всегда был чутким; он проснулся сразу же, как только Чжао Фан забормотал про питье.

Угли в жаровне давно погасли, и в комнате было довольно зябко.

Однако Гунсунь Сы это не беспокоило. Он откинул одеяло и босиком прошел к столу, чтобы налить воды из кувшина.

Попробовал температуру.

Ледяная.

Подойдя к кровати, Гунсунь Сы сначала макнул палец в чашку и коснулся губ Чжао Фана.

Тот припал к влаге, словно к живительной росе.

Гунсунь Сы замер. Снова нахлынуло то странное чувство.

Поначалу он хотел лишь подразнить Чжао Фана, но внезапно вошел в азарт и принялся раз за разом смачивать его губы мокрым пальцем.

Слушая, как Чжао Фан причмокивает, словно котенок, лакающий воду, Гунсунь Сы невольно усмехнулся. Мрак на душе заметно рассеялся.

Губы Чжао Фана были мягкими и упругими – на ощупь точь-в-точь как тот рисовый пирог, что Гунсунь Сы ел вчера.

В голове юноши всплыли картинки из той книги, что они смотрели днем.

Память у него была отменная, он ничего не забывал, и теперь эти иллюстрации одна за другой перелистывались перед его мысленным взором.

Гунсунь Сы вдруг почувствовал сухость во рту. Поддавшись порыву, он поднес чашку к своим губам и сделал несколько глотков.

Но на последнем глотке он остановился.

В голове мелькнула порочная мысль.

От этой мысли желание только вспыхнуло с новой силой.

Одной рукой он обхватил подбородок Чжао Фана и склонился над ним.

Губы медленно приближались.

Сердце невольно забилось чаще.

Не успев разобраться в своих чувствах, Гунсунь Сы коснулся губами мягкого и теплого «рисового пирога».

«Пирог», почуяв влагу, обезумел и, словно губка, принялся впитывать воду.

Последние капли из своего рта Гунсунь Сы отдал без остатка, но другому этого казалось мало.

Воздух вокруг словно раскалился.

Такой напор со стороны Чжао Фана застал Гунсунь Сы врасплох, дыхание его сбилось.

«Кх-дзынь!»

Раздался звон чего-то упавшего на пол. Резкий звук мгновенно привел Чжао Фана в чувство.

— Ч-что случилось?

Увидев прямо перед собой лицо Гунсунь Сы, Чжао Фан вздрогнул от испуга.

Дыхание юноши было прерывистым, а голос звучал хрипло:

— Ты пить хотел. Я налил тебе воды, а ты чашку разбил.

Чжао Фан поспешил извиниться:

— Прости-прости... Как выпью, так соображать перестаю. Всё, больше ни капли.

— Будь осторожен, не наступи на осколки.

— Давай спать, завтра приберемся.

Сердце Гунсунь Сы всё еще колотилось, но голос звучал ровно:

— Хорошо.

Он забрался под свое одеяло.

Хоть они и спали на одной кровати, у каждого было свое ложе.

Чжао Фан любил во сне сворачиваться коконом для чувства безопасности – так он засыпал быстрее всего.

Но сегодня из-за опьянения укутался он кое-как.

Когда Чжао Фан уже начал погружаться в сон, над самым ухом раздался жалобный голос героя:

— Брат Чжао, у меня руки-ноги совсем замерзли, можно мне к тебе под бочок?

С этими словами он просунул свои ледяные ступни под одеяло Чжао Фана.

Когда холодные, как лед, ноги коснулись голеней Чжао Фана, того пробрало до костей, и он весь задрожал.

Вспомнив, что мальчишка замерз, пока носил ему воду, Чжао Фан почувствовал укол совести. Он накиннул часть своего одеяла на Гунсунь Сы:

— Так лучше?

Голос юноши слегка дрожал:

— Руки тоже мерзнут.

Чжао Фан пощупал их – и впрямь холодные. Он потянул его руки к себе и прижал к груди, согревая.

Гунсунь Сы оторопел. Ему вспомнилось, как в детстве кормилица точно так же грела его руки и ноги.

Все фривольные мысли и душевное смятение в один миг будто окунули в ледяную прорубь – от бывшего настроения не осталось и следа.

Кормилица...

Он не вправе забывать о ее смерти.

Гунсунь Сы осторожно убрал руки и ноги и отвернулся.

Чжао Фан не заметил перемены в состоянии спутника и вскоре уже безмятежно похрапывал.

В последнее время старая госпожа увлеклась «Сном в красном тереме» в пересказе Чжао Фана. Каждый день после обеда она звала его к себе послушать продолжение.

Зимнее солнце ласково освещало боковой павильон. Старая госпожа полулежала на кушетке, прикрыв глаза, пока служанки легонько разминали ей плечи.

Чжао Фан сидел на низком табурете, жевал цукаты и вещал:

— И вот в пятнадцатой главе рассказывается, как наша Фэн-цзе затеяла свои интриги в монастыре Железных Свай...

Он рассказывал так ярко и занимательно, что послушать сбежались все служанки и няньки в округе.

Пока Чжао Фан развлекал госпожу, Гунсунь Сы во дворе приводил в порядок сад.

Ему даже не нужно было поднимать головы, чтобы слышать ленивый, тягучий голос Чжао Фана, повествующий о взлетах и падениях знатных семей и печальных разлуках влюбленных.

Со временем к павильону стали тайком прибегать даже самые смелые служанки из покоев второго молодого господина и четвертой молодой госпожи.

Чжао Фан рассказывал по две главы в день, и каждый раз слушатели расходились с неохотой.

Старая госпожа вздохнула:

— Ах, если бы героев этой книги можно было еще и увидеть на бумаге...

Нарисовать «Двенадцать красавиц Цзиньлина» в классическом стиле у Чжао Фана мастерства бы не хватило, но он умел рисовать в стиле маньхуа.

— Я могу попробовать.

Увидев карикатурных персонажей, нарисованных Чжао Фаном, старая госпожа рассмеялась до слез, в шутку называя его несносным проказником.

— Бабушка, я еще во двор не вошел, а уже издалека услышал ваш смех.

— Что тут за веселье такое?

Чжао Фан поднял голову и увидел красавца в темно-зеленом расшитом одеянии, шедшего к ним в лучах солнца.

В памяти тут же всплыла нужная информация.

Ого.

Явился легендарный второй молодой господин.

На вид образованный и изящный, но явно из породы «улыбчивых тигров».

Таково было первое впечатление Чжао Фана о Шэнь Сюане. Вспомнив, что тот когда-то зарился на тело прежнего владельца, Чжао Фан решил держаться от него подальше.

Старая госпожа давно не видела внука. Пока они беседовали, Чжао Фан, проявив тактичность, собрался было уйти.

Но второй молодой господин окликнул его:

— Сяо Чжао, это ты нарисовал?

— Да.

Мультяшный персонаж едва ли мог претендовать на звание шедевра, разве что выглядел забавно.

Шэнь Сюань изобразил живейший интерес:

— Как-нибудь и мне нарисуй.

— А?

— Что, не сможешь?

— Ну, не то чтобы...

Просто не очень-то хотелось рисовать именно для него.

Второй молодой господин и четвертая молодая госпожа были теми людьми, встречи с которыми Чжао Фан стремился избежать любой ценой.

Старая госпожа отослала прислугу – у нее было дело к Шэнь Сюаню.

— Узнай, когда твой старший брат освободится, и пусть заглянет ко мне. У меня есть к нему разговор.

— Слушаюсь. Раз бабушка велит – исполню немедленно.

Старая госпожа добавила:

— Да не к спеху.

Разговаривая с бабушкой, второй молодой господин то и дело поглядывал во двор, где Чжао Фан, присев на корточки, чем-то занимался.

Шэнь Сюань давно его не видел, и теперь Чжао Фан казался ему еще привлекательнее, чем раньше.

У него зачесались руки.

— Кхм-кхм.

Старая госпожа хоть и была в годах, но видела острее многих. Разве могла она не заметить помыслов внука?

— Мне очень нравится этот малый, Фан. Не смей его трогать.

<http://bllate.org/book/18123/1739331>